

Ethnoconfessional Policy Towards Poles in the Military School of the Russian Empire (1830s – 1860s)

Alexey N. Grebenkin

Academy of the Federal Security Guard Service of the Russian Federation. Orel, Russia.

Email: [angrebyonkin\[at\]mail.ru](mailto:angrebyonkin[at]mail.ru) ORCID <https://orcid.org/0000-0001-9873-0092>

Received: 2 June 2025 | Revised: 30 June 2025 | Accepted: 10 July 2025

Abstract

The relevance of the topic of this study is caused by the necessity of identifying the causes of negative attitudes of Poles towards Russia and of eliminating the false stereotypes in the interpretation of imperial policy towards Catholics in general, and Poles in particular. The problem under study is the contradiction between the need for a comprehensive description of the ethno-confessional policy towards Poles in the military school of the Russian Empire and the lack of scientific works on this topic. The purpose of this work is a comprehensive scientific analysis of the ethno-confessional policy towards Poles in military educational institutions of the Russian Empire in the 1830s –1860s. The author concludes that, during the period under study, the rules for the admission of Catholic Poles to military educational institutions in Russia have significantly tightened, and their religious education was subject to significant restrictions caused by the policy of Russification. The position of Poles in the socio-cultural environment of cadet corps and military gymnasiums was not associated with their separation into a separate group, even in those institutions where they made up a significant part of the students, with the exception of the Brest Cadet Corps. The results of the work can be used in military educational institutions of modern Russia in the organization of spiritual and ethical education.

Keywords

Russian Empire; Military Education; Cadet Corps; Catholics; Poles; Religious Education; Ethno-Confessional Politics; Brest Cadet Corps

This work is licensed under a [Creative Commons “Attribution” 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Этноконфессиональная политика в отношении поляков в военной школе Российской империи (1830-е – 1860-е гг.)

Гребенкин Алексей Николаевич

Академия Федеральной службы охраны Российской Федерации. Орел, Россия.

Email: [angrebyonkin\[at\]mail.ru](mailto:angrebyonkin[at]mail.ru) ORCID <https://orcid.org/0000-0001-9873-0092>

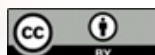
Рукопись получена: 2 июня 2025 | Пересмотрена: 30 июня 2025 | Принята: 10 июля 2025

Аннотация

Актуальность темы настоящего исследования обусловлена необходимостью выявления причин негативного отношения поляков к России и устранения ложных стереотипов в трактовке имперской политики по отношению к католикам в целом и полякам в частности. Изучаемая проблема заключается в противоречии между необходимостью всесторонней характеристики этноконфессиональной политики в отношении поляков в военной школе Российской империи и отсутствием научных трудов по данной теме. Целью настоящей работы является всесторонний научный анализ этноконфессиональной политики в отношении поляков в военно-учебных заведениях Российской империи в 1830-е – 1860-е гг. Автор приходит к выводу, что в исследуемый период правила приема поляков-католиков в военно-учебные заведения России существенно ужесточились, а их религиозное образование было сопряжено со значительными ограничениями, вызванными политикой русификации. Положение поляков в социокультурной среде кадетских корпусов и военных гимназий не приводило к их выделению в обособленную группу даже в тех заведениях, где они составляли значительную часть воспитанников, за исключением Брестского кадетского корпуса. Результаты работы могут быть использованы в военно-учебных заведениях современной России при организации духовно-нравственного воспитания.

Ключевые слова

Российская империя; военное образование; кадетский корпус; католики; поляки; религиозное образование; этноконфессиональная политика; Брестский кадетский корпус

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons “Attribution” \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Введение

Подготовка офицеров русской императорской армии не могла осуществляться в отрыве от принципов выстраивания имперского политического и социокультурного пространства. Отечественная военная школа на всем протяжении ее существования являлась важным инструментом воздействия на национальные окраины, призванным содействовать их интеграции и унификации посредством превращения местных уроженцев в носителей и трансляторов идеи преданности России и ее монарху. Специфика положения Царства Польского в составе Российской империи была обусловлена двумя масштабными восстаниями, которые вызвали негативную реакцию центра и содействовали усилению недоверия к полякам в частности и к католикам в целом. Это вынуждало неоднократно модифицировать модель подготовки кадет и юнкеров польского происхождения, которая включала в себя принципы их отбора и методы религиозного воспитания.

Кадетские корпуса Российской империи к началу 1830-х гг. образовали единую систему. Возник единый центр управления в лице Главного начальника, младшего брата Николая I великого князя Михаила Павловича, и его деятельного помощника Я. И. Ростовцева. Постепенно формировалась правовая база деятельности корпусов. Прием воспитанников, их обучение и духовно-нравственное воспитание, быт и досуг – все было подвергнуто строжайшей регламентации. Это дало возможность определить направление и закрепить формы отечественной военно-образовательной политики по отношению к молодым дворянам Царства Польского. При этом правительство стремилось, с одной стороны, поставить будущих офицеров-поляков в определенные рамки, а с другой стороны – дать им возможность продолжать начатое в семье католическое воспитание, чтобы не оттолкнуть и не озлобить их.

Целью настоящей работы является характеристика этноконфессиональной политики, проводимой в российских военно-учебных заведениях по отношению к воспитанникам польского происхождения в 1830-е – 1860-е гг. При этом, по аналогии с работами такого авторитетного исследователя, как П. А. Зайончковский, который при анализе национального состава офицерского корпуса русской армии допускал, что все офицеры-лютеране были немцами, а католики – поляками (1973, с. 195–198), правила о религиозном воспитании католиков в военно-учебных заведениях по умолчанию считаются относящимися к полякам в силу того, что кадет-католиков других национальностей в отечественной военной школе не было.

Нижняя хронологическая граница исследования определена тем, что детальная регламентация этноконфессиональной политики по отношению к воспитанникам-полякам началась после 1831 г. вследствие как изменения отношения к уроженцам Царства Польского после восстания 1830–1831 гг., так и стремления Николая I упорядочить деятельность отечественной военной

школы в целом. Верхняя граница обусловлена резким ужесточением политики русификации и нивелированием положения воспитанников польского происхождения в военно-учебных заведениях к концу 1860-х гг. Вместе с тем необходимость полноценной характеристики правительственной политики по отношению к преподавателям Закона Божия потребовала ряда экскурсов в 1870-е гг.

Этноконфессиональная политика по отношению к полякам в отечественной военной школе еще не выступала в качестве предмета научного исследования. В дореволюционных трудах по истории кадетских корпусов лишь констатировался факт преподавания Закона Божия католикам и приглашения для этой цели ксендзов (Жервэ & Строев, 1912, с. 201). Примечательно, что в историческом очерке Полоцкого кадетского корпуса, который предназначался для обучения уроженцев Царства Польского, ничего не говорилось ни о поляках, ни о религиозном образовании католиков, и внимание уделялось исключительно деятельности Русской Православной Церкви (Полоцкий кадетский корпус, 1910, с. 131, 153). В советский период отечественной истории вопрос о положении поляков в Брестском кадетском корпусе был затронут В. А. Дьяковым, автором биографического очерка одного из руководителей Январского восстания Я. Домбровского (1969, с. 14–26). Из современных исследований следует назвать небольшую монографию белорусских историков П. И. Бригадина и А. М. Лукашевича, в которой рассмотрена царская политика по отношению к полякам, обучавшимся в Брестском кадетском корпусе. Социокультурный облик выпускников Полоцкого кадетского корпуса, в котором обучалось много поляков, охарактеризован в большой статье Е. В. Глазырина и Т. Н. Глазыриной (2016). Организация религиозного обучения католиков в дореволюционных кадетских корпусах освещена в работах В. А. Гурковского. Важное значение для исследуемой темы имеют работы по имперской военно-конфессиональной политике в целом и в отношении католиков в частности. Так, С. В. Волков в своем фундаментальном труде по истории русского офицерского корпуса пришел к выводу, что офицерам-католикам было труднее получить чин полковника и что высокий процент офицеров-поляков в офицерском корпусе после мятежа 1863 г. стал вызывать опасения, в связи с чем полякам-католикам, претендовавшим на производство в офицеры, требовалось представлять документы, подтверждавшие их лояльность по отношению к России (2003, с. 313). В. В. Лапин в своей статье осуществил обстоятельный анализ организации и комплектования армии России в имперском контексте, охарактеризовав политику по отношению к полякам как дискриминационную (2008, с. 68). Большую ценность для характеристики политики по отношению к католикам в рамках Военного министерства имеет работа А. И. Ганчара, в которой детально описаны ограничения в отношении служебного положения офицеров-поляков. Деятельность католических военных капелланов в Казани в 1860-е гг. обстоятельно рассмотрена А. А. Машковцевым, охарактеризовавшим отношение правительства к ним как

«настороженное» (2012, с. 56). Имперская политика по отношению к Царству Польскому рассмотрена А. А. Гусевой, отметившей, что в России была создана «ограничительная система, распространяющаяся на католиков, которые находились на военной службе» (2017, с. 81).

Материалы и методы

В основу настоящего исследования положены нормативные правовые акты, опубликованные в Полном собрании законов Российской империи и Своде военных постановлений, приказы по военно-учебным заведениям, опубликованные типографским способом и хранящиеся в Русском книжном фонде Российской национальной библиотеки, неопубликованные документы из фондов Российского государственного военно-исторического архива, а также источники личного происхождения. Анализ правил поступления поляков в военно-учебные заведения, а также принципов религиозного образования католиков, закрепленных в нормативных документах, позволил проследить эволюцию отношения имперских властей к малолетним полякам, претендовавшим на получение военного образования. Из документов Российского государственного военно-исторического архива наибольшую ценность представляют материалы фонда 725 (Главное управление военно-учебных заведений) и фондов отдельных военно-учебных заведений – например, 315 (2-й кадетский корпус). В них содержится служебная переписка наместников Царства Польского генерал-фельдмаршала И. Ф. Паскевича-Эриванского и генерала от артиллерии князя М. Д. Горчакова с руководством военно-учебных заведений, изучение которой дает возможность выявить обстоятельства изменения вектора военно-образовательной и конфессиональной политики по отношению к полякам-католикам, обучавшимся в кадетских корпусах. Наконец, без обращения к воспоминаниям бывших питомцев Брестского кадетского корпуса О. Еленского и Ю. Ягмина было бы невозможно осуществить анализ социокультурного положения поляков-католиков в этом уникальном военно-учебном заведении.

Методологическую основу работы составляют социокультурный анализ, концепция фронта, а также историко-сравнительный подход. Методы социокультурного анализа дали возможность реконструировать отношение поляков, обучавшихся в Брестском кадетском корпусе, к правительственной политике. Концепция фронта позволила охарактеризовать отношение имперского центра по отношению к Царству Польскому и его обитателям как сложную систему, в которой ограничительные меры, направленные на поглощение края и его нивелирование в социокультурном отношении, сочетались с принципом учета этноконфессиональной специфики поляков-католиков, реализация которого была призвана внушить молодым уроженцам Царства Польского уважительное отношение к империи и ее главе. Наконец, историко-сравнительный подход обеспечил выявление динамики изменения

положения поляков в военно-учебных заведениях Российской империи в 1830-е – 1860-е гг.

Прием воспитанников католического вероисповедания в военно-учебные заведения России

Вплоть до начала 1830-х гг. прием поляков в российские военно-учебные заведения не был определен какими-либо правилами и зависел от директоров кадетских корпусов. Требовалось лишь представить документы, подтверждавшие дворянское происхождение поступающих. Кроме того, с 1820 г. велись кандидатские списки, куда претенденты вносились по мере подачи ими просьб. Существовало особое военно-учебное заведение, готовившее офицеров польской армии и предназначенное для обучения исключительно поляков – Калишский кадетский корпус, основанный еще в 1793 г. прусским королем Фридрихом Вильгельмом II. Однако после восстания 1830–1831 гг. ввиду того, что многие его выпускники примкнули к мятежникам, Калишский корпус был закрыт, а его кадеты переведены в другие корпуса.

В декабре 1831 г. Николай I приказал принимать детей дворян Царства Польского во все кадетские корпуса Российской империи на общих основаниях при условии представления ими документов о дворянском происхождении. Это правило распространялось и на детей лиц, «участвовавших в мятеже и в продолжение оного убитых, осужденных, бежавших и без вести пропавших» (РГВИА, 1831–1832, л. 4). По мнению императора, «мера сия будет служить к распространению в юношестве здешнего края правил нравственности и приверженности к престолу, воспитанникам Российских наших заведений внушаемых» (РГВИА, 1833–1834, л. 1).

Ограничение правил приема, введенное в июне 1833 г., было также связано с восстанием 1830–1831 гг. Дети дворян, принимавших участие в беспорядках, лишились права обучения в Полоцком кадетском корпусе и могли поступать только «в корпуса, внутри России находящиеся» (РГВИА, 1831–1833, л. 2 об.).

В октябре 1833 г. наместник Царства Польского генерал-фельдмаршал И. Ф. Паскевич-Эриванский доложил Николаю I, что все вакансии в кадетских корпусах заполнены, и просил уведомить его, какое число просьб о поступлении можно принимать ежегодно от дворян Царства Польского, если не последует «особого Высочайшего повеления о помещении молодых дворян сего Царства в кадетские корпуса, сверх комплекта» (РГВИА, 1833–1834, л. 1 об.). Император распорядился принимать ежегодно в каждый кадетский корпус по четыре кандидата из числа детей дворян Царства Польского, а прочих зачислять в общие кандидаты этих корпусов. Главный начальник Пажеского, всех сухопутных кадетских корпусов и Дворянского полка великий князь Михаил Павлович уведомил И. Ф. Паскевича, что на основании этого распоряжения в кадетские корпуса можно каждый год принимать 20 поляков

(по четыре человека в 1-й, 2-й, Московский, Павловский и Александровский корпуса), причем в Павловский и Александровский – только круглых сирот.

В мае 1834 г. это правило было распространено на Дворянский полк, куда следовало зачислять кандидатов старше 14 лет, «не ограничивая числа, с платой за них следующей на содержание суммы из доходов Царства Польского» (РГВИА, 1833–1834, л. 15 об.). Закрепление двадцати вакансий за уроженцами Царства Польского было отражено в ст. 722 ч. I кн. III Свода военных постановлений 1838 года.

Расчеты на то, что зачисленные в кадетские корпуса дети польских дворян покинут школьную скамью с чувством преданности русскому правительству, не оправдались. Десять лет спустя великий князь Михаил Павлович пожаловался И. Ф. Паскевичу, что выпускники военно-учебных заведений из числа уроженцев Царства Польского оставляют службу вскоре после получения офицерского звания. Генерал-фельдмаршал направил великому князю составленную им в марте 1844 г. записку «Об офицерах из польских уроженцев, выпущенных из военно-учебных заведений». В ней он отмечал, что в течение трех последних лет из действующей армии вышло в отставку только три офицера. Поручик Муромского пехотного полка Альфонс 1-й был выпущен из Московского кадетского корпуса в 1835 г. и уволен из армии в 1841 г. Прапорщик 2-й полевой артиллерийской бригады Седлеский 1-й окончил 1-й кадетский корпус в 1840 г. и вышел в отставку спустя четыре года. Наконец, подпоручик Альфонс 2-й, бывший кадет Московского кадетского корпуса, выпустился в 1837 г. и уволился в 1844 г. Паскевич подозревал Альфонса 2-го во вредном направлении духа, и по этой причине тот был представлен им к переводу из Муромского полка на Кавказ. Когда офицер подал в отставку, фельдмаршал ходатайствовал об учреждении над ним секретного надзора высшей полиции и получил на это Высочайшее разрешение. Паскевич отмечал, что

«направление умов в Польше так дурно, что с каким бы тщанием ни были воспитываемы в Империи молодые люди из польских уроженцев, по возвращении своем на родину снова подпадая под влияние родных и вообще соотечественников, они забывают благодеяния Правительства и портятся» (РГВИА, 1844б, л. 1 об. – 2).

Поэтому наместник распорядился, чтобы выпускники военно-учебных заведений из числа уроженцев Царства Польского после выхода в отставку не могли получить на родине места по гражданскому ведомству. Для военной службы, по его мнению, они были бесполезны.

В марте 1845 г. было введено правило, в соответствии с которым сыновья дворян Царства Польского, как и дети горских князей, финляндских уроженцев и генералов и штаб-офицеров различных казачьих войск, впредь должны были поступать в кадетские корпуса исключительно на штатные вакансии, а не сверх комплекта.

В марте 1848 г. Николай I запретил оставлять кадет на третий год, и родители поступающих должны были давать расписки в том, что обязуются забрать на свое попечение сыновей, вторично не удостоенных перевода в следующий класс. В октябре 1849 г. Управление Главного начальника военно-учебных заведений уведомило И. Ф. Паскевича, что малолетние поляки, поступавшие в кадетские корпуса, являлись «большей частью без знания русского языка и без всяких предварительных познаний, следовательно только при отличных способностях и особенном прилежании они могут следить за курсом наук» (РГВИА, 1849, л. 3). Поскольку их привозили не родители, а особые чиновники, которые не могли давать расписок, то исполнить Высочайшее распоряжение было невозможно. Поэтому Главный начальник военно-учебных заведений цесаревич Александр Николаевич просил Паскевича назначать для поступления в корпуса тех поляков, которые хотя бы немного знали русский язык; «если же не знают, то были бы таких лет, в которые малолетний может еще легко выучиваться языку, чтобы потом следить за курсом» (РГВИА, 1849, л. 3 об.).

На это предписание наместник ответил, что молодые дворяне Царства Польского, предназначенные по его выбору для поступления в кадетские корпуса и Дворянский полк, подвергались предварительным испытаниям в гимназиях или уездных училищах и включались в число кандидатов только в том случае, если их знания признавались удовлетворительными. В корпусах кандидаты подвергались вторичному испытанию, и те, кто не выдерживал экзамена, отправлялись назад в Царство Польское. Так, в 1849 г. были возвращены после провала на экзамене кандидаты Дворянского полка Ф. и И. Кольберши, сыновья полковника. И. Ф. Паскевич предписал попечителю Варшавского учебного округа сделать распоряжения о принятии экзаменов со всей строгостью, обращая особое внимание на знание кандидатами русского языка. Подписки родителей, согласно которым они должны были взять безуспешных воспитанников на свое попечение, доставлялись в корпуса чиновниками, привозившими недорослей.

В 1853 г. было решено оставить для сыновей дворян Царства Польского в кадетских корпусах 20 вакансий с особой платой. Такая же ситуация была и в 1854, 1856 и 1857 гг. в 1858 г. количество вакансий было сокращено до 18, так как в предшествующем году в корпуса поступили два кадета в счет вакансий будущего года (Приказ, 1858). В 1859 г. количество вакансий было увеличено до 20 (Приказ, 1859), а в 1860 г. – до 21 (1860).

Кандидатов для поступления в кадетские корпуса отбирал лично наместник Царства Польского генерал-фельдмаршал И. Ф. Паскевич-Эриванский. В соответствии с приказом по военно-учебным заведениям от 26 апреля 1849 г. № 1061 для поступления в кадетские корпуса в августе того же года были определены следующие кандидаты, отобранные наместником. В 1-й кадетский корпус должны были поступить сыновья надзирателя и надстражника пограничной стражи, во 2-й кадетский корпус – члена правительственной комиссии

внутренних дел и обывателя варшавского предместья Праги, в Павловский кадетский корпус – помещика Августовской губернии и поручика бывших польских войск. Достаточно большое количество кандидатов предназначались для губернских корпусов. В Новгородский кадетский корпус должны были поступить сыновья казначея Вержболовской таможни в Августовской губернии, секретаря магистрата г. Вроцлавска, инспектора пограничной таможни в Вержболове, бывшего архивариуса Плоцкого гражданского трибунала и обывателей г. Пултуска и Радомской губернии, в Тульский Александровский кадетский корпус – помещика Радомской губернии, обывателя Августовской губернии, чиновника Польского банка, офицера бывших польских войск и ревизора Бобржанского округа в Августовской губернии. Кандидатами Александровского кадетского корпуса являлись дети вдовы бурмистра местечка Далишина и инспектора Мариампольского уездного реального училища, а малолетнего отделения 1-го Московского кадетского корпуса – жителя местечка Рашина Варшавской губернии и контролера конторы служителей в г. Варшаве. Таким образом, большая часть кандидатов (19 из 21) принадлежала к числу сыновей мелких чиновников, неслужащих дворян или обывателей, и лишь двое были детьми офицеров бывших польских войск.

Аналогичная ситуация сохранялась и в последующие годы. В 1851 г. из 20 человек 11 были детьми неслужащих дворян (в том числе одного умершего), пять – чиновников, один – защитника мирового суда, и лишь трое являлись сыновьями отставных офицеров (один из них имел чин подполковника, а другой был бургомистром г. Плонска). Они были распределены по четыре человека между столичными и губернскими кадетскими корпусами. В 1854 г. из 20 кандидатов десять были сыновьями дворян (в том числе трех умерших), семь – чиновников, двое – судей, один – врача. Сыновей офицеров среди них не было.

В 1856 г. новый наместник генерал-адъютант князь М. Д. Горчаков избрал 21 человека. Среди них было шесть сыновей дворян (в том числе четырех умерших), 13 сыновей чиновников (в том числе двух отставных и четырех умерших) и один сын защитника варшавских судов. Лишь один кандидат был сыном умершего поручика. Обращает на себя внимание постепенный рост количества сирот, к числу которых принадлежала почти половина кандидатов. В 1858 г. из 18 кандидатов шестеро были детьми дворян, 11 – чиновников (в том числе двух отставных и одного умершего). Один кандидат был сыном умершего прапорщика. В 1859 г. из 20 будущих кадет девять принадлежали к числу детей дворян (в том числе одного умершего), восемь были сыновьями чиновников (в том числе двух отставных и одного умершего), один – сыном аптекаря, и лишь двое были сыновьями офицеров (штабс-капитана корпуса жандармов и отставного штабс-ротмистра).

Воспитанники Александровского кадетского корпуса и малолетнего отделения 1-го Московского кадетского корпуса, достигшие 10-летнего возраста, переводились в столичные и губернские кадетские корпуса. Поляков среди них

было не очень много. Их количество постепенно росло, а затем стало снижаться (в 1849 г. – один, в 1850 г. – четыре, в 1853 г. – шесть, в 1856 г. – пять, в 1858 г. – один, в 1860 г. – два). Ситуация изменилась после начала восстания 1863–1864 гг. В 1863 г. в Орловский Бахтина кадетский корпус было переведено 18 выпускников Александровского кадетского корпуса (Приказ, 1863).

В августе 1849 г. из Тульского Александровского кадетского корпуса в Орловский Бахтина кадетский корпус был переведен один кадет, воспитывавшийся на счет Царства Польского. В августе 1851 г. из Тулы в Орел были переведены шесть воспитанников, содержащихся за счет сумм Царства Польского, через год их было уже 13. В 1856 г. из Тульского корпуса в Орловский было переведено пять поляков.

В соответствии с правилами, закрепленными в Своде военных постановлений 1859 г., малолетние дворяне Царства Польского, как и малолетние дворяне Российской империи, имели право на определение в военно-учебные заведения 1-го и 2-го классов (Свод военных постановлений, 1859, с. 247). Царство Польское было приписано к Полоцкому и Александровскому Брестскому кадетским корпусам (Свод военных постановлений, 1859, с. 258–259), однако поляки могли поступать на предоставленные им 20 вакансий «часть в С.-Петербургские, а часть в Московские (кроме Александринского Сиротского) и губернские корпуса, кроме: Полоцкого, Александровского-Брестского, Финляндского, Оренбургского-Неплюевского и Сибирского» (Свод военных постановлений, 1859, с. 272–273).

В 1860 г. Совет о военно-учебных заведениях обсудил по предложению бывшего начальника Главного штаба канцелярии наместника в Царстве Польском вопрос о том, можно ли принимать в кадетские корпуса малолетних дворян Царства Польского, имевших 13 лет от роду. Совет «признал возможным, применяясь к правилам, существующим для поступления в кадетские корпуса своекоштных пансионеров, малолетних дворян Царства Польского, воспитывающихся в этих заведениях за счет сумм Царства, принимать в корпуса на будущее время от 10 до 14 лет, по экзамену, для поступления в класс, соответствующий их возрасту» (Приказ, 1860). Это мнение было утверждено Александром II.

Вследствие восстания 1863–1864 гг. особые вакансии для уроженцев Царства Польского были ликвидированы. Прием поляков в военные гимназии, открытые в 1863–1866 г. на базе общих классов кадетских корпусов, стал осуществляться на общих основаниях.

Религиозное образование поляков-католиков в военной школе Российской империи

Религиозное образование поляков-католиков, обучавшихся в российских военно-учебных заведениях, после подавления восстания 1830–1831 гг. не прекратилось. Согласно ст. 936 ч. I кн. III Свода военных постановлений

1838 года, Закон Божий должен был преподаваться в том числе воспитанникам римско-католического исповедания. Однако оно было подчинено строгим правилам. В 1834 г. в целях обеспечения единого методического подхода военный министр генерал от кавалерии граф А. И. Чернышев распорядился, чтобы во всех военно-учебных заведениях в качестве учебного пособия использовался римско-католический катехизис, составленный по распоряжению Николая I в Главном управлении духовных дел иностранных исповеданий и напечатанный на польском, французском и немецком языках. До 1837 г. Краткий катехизис для юношества римско-католического исповедания для всех классов на польском языке был единственным учебным пособием, предназначенным для обучавшихся в кадетских корпусах поляков. Ввиду отсутствия русских учебных пособий преподавание велось по-польски, однако «толкование катехизиса производилось тоже и на русском языке по причине, что некоторые кадеты сего исповедания не говорят по-польски» (РГВИА, 1836, л. 2 об.).

Во вновь открытых кадетских корпусах организация религиозного образования была сопряжена с серьезными ограничениями. В 1834 г. директор Новгородского графа Аракчеева кадетского корпуса генерал-майор А. И. Бородин донес Главному директору Пажеского, всех сухопутных кадетских корпусов и Дворянского полка генерал-адъютанту И. О. Сухожанету, что для преподавания обучающимся в корпусе 14 католикам Закона Божия он пригласил состоявшего при 2-й легкой кавалерийской дивизии ксендза Росселя. Россель считал необходимым время от времени совершать в корпусе литургию и другие богослужения и для этого просил Бородина приобрести необходимую церковную утварь (крест, подсвечники, покрывала, ризы и т. п.). По мнению ксендза, эти вещи, стоившие 560 р., можно было взять бесплатно из числа имущества, оставшегося без употребления после закрытия нескольких католических церквей, расположенных в западных губерниях и находившегося в ведении дежурного генерала генерал-адъютанта П. А. Клейнмихеля. Великий князь Михаил Павлович поддержал ходатайство Бородина. Однако Николай I ввиду того, что католиков в Новгородском корпусе было немного, распорядился не учреждать в этом заведении особой католической церкви. Царь полагал, что

«для исполнения... треб сего исповедания может приезжать в удобное и определенное время из 1-го округа пехотных солдат католический священник, состоящий при 2-й гвардейской кавалерийской дивизии» (РГВИА, 1834b, л. 4).

Последствия политики русификации можно оценить как достаточно серьезные. Начиная с 1837 г., во всех военно-учебных заведениях Закон Божий преподавался католикам на русском языке «по руководствам рукописным, которые ни под каким видом не могут быть ни печатаны, ни гравированы, ни литографированы» (РГВИА, 1844а, л. 1). В ноябре 1843 г. учебный комитет штаба Главного начальника военно-учебных заведений обсуждал вопрос о необходимости единообразного преподавания во всех военно-учебных заве-

дениях Закона Божия воспитанникам-католикам. Начальник штаба военно-учебных заведений генерал-майор Я. И. Ростовцев высказал мысль о том, чтобы «во всех заведениях руководство Закона Божия римско-католического вероисповедания сделать в главных частях одинаковым с руководством православному» (Столетие военного министерства, 1902, с. 29). Поэтому Комитет пришел к выводу, что преподавание Закона Божия католикам могло вестись только на русском языке. Вместе с тем Комитет исходил из того, что преподавание Закона Божия не могло быть ограничено исключительно катехизисом, и кадеты, прежде чем приступить к изучению догматов веры, должны были изучить главные молитвы, являвшиеся основой любой религии. Но поскольку молитвы для католиков были составлены на польском или французском языках, то возник вопрос, можно ли разрешить воспитанникам-полякам учить молитвы на их родном языке. В марте 1844 г. Совет о военно-учебных заведениях, обсудив этот вопрос, пришел к выводу, что полякам-католикам следует «дозволять непременно выучивать молитвы и молиться на природном их языке» (РГВИА, 1844а, л. 4 об.). Это мнение было одобрено великим князем Михаилом Павловичем, утверждено Николаем I, а затем опубликовано. Таким образом, молитвы можно было учить по-польски, однако преподавание Закона Божия велось исключительно на русском языке (О дозволении, 1845, с. 265).

Большее, нежели прежде, внимание стало уделяться католическим законоучителям. В 1854 году были утверждены правила назначения ксендзов в губернские кадетские корпус (РГВИА, 1854, л. 35). Законоучители римско-католического исповедания должны были отличаться безупречными нравственными качествами, благонамеренностью и лояльностью по отношению к российским властям. Их следовало избирать из выпускников Императорской римско-католической духовной академии (РГВИА, 1854, л. 40).

Вместе с тем не следует полагать, что религиозные нужды католиков после начала русификаторской политики оказались в полном небрежении. В 1845 г. командир Дворянского полка генерал-майор И. И. Пущин доложил начальнику штаба военно-учебных заведений генерал-майору Я. И. Ростовцеву, что в заведении обучалось 130 католиков, которые не могли поместиться по воскресеньям в небольшой церкви 2-го кадетского корпуса. Это вынуждало посылать в воскресные и праздничные дни четвертую часть воспитанников в городские церкви. Законоучитель Стацевич предлагал устроить в одной из зал полка временную церковь, «которой вся принадлежность заключалась бы в одном небольшом шкапе, который во время службы будет раздвигаться на две стороны» (РГВИА, 1845, л. 1 об.). Это предложение уже было одобрено великим князем Михаилом Павловичем. Генерал Пущин принял решение поставить шкаф в физическом кабинете, чтобы воспитанники могли слушать службу из залы, в которой находилась библиотека. Расходы на создание временной церкви должны были составить 347 р. 51 к. серебром. Эти деньги предполагалось взять из общих остатков штатных сумм в течение 1846 г.

В январе 1846 г. Николай I разрешил устроить в Дворянском полку временную римско-католическую церковь.

В августе 1848 г. директор 1-го Московского кадетского корпуса генерал-лейтенант М. Ф. фон Брадке доложил в штаб великого князя Михаила Павловича, что 30 католиков, обучавшихся в заведении, в воскресные и табельные дни водились одним из офицеров в католическую церковь Петра и Павла на Лубянке, «но по отдаленности этой церкви от корпуса они не всегда бывают у обедни, а часто даже, при продолжительной дурной погоде, не посещают церковь слишком долго» (РГВИА, 1848, л. 1). Кроме того, количество католиков увеличивалось, и осуществлять надзор за ними становилось все сложнее. Фон Брадке предлагал устроить католическую церковь в самом корпусе, в одном из помещений нижнего этажа, расположенном под православной церковью. Расходы должны были составить около 600 р., их планировалось взять из остатка от корпусных сумм. Служить мессу должен был тот же ксендз, который преподавал в заведении Закон Божий. Разрешение императора последовало в декабре того же года, после присылки плана устройства церкви в Отделение проектов и смет Департамента военных поселений.

В соответствии с приказом по военно-учебным заведениям от 9 июля 1854 г., преподавание Закона Божия полякам, обучавшимся в кадетских корпусах, должно было вестись на русском языке. Однако среди законоучителей находились те, кто открыто игнорировал это распоряжение. Так, ксендз Брестского кадетского корпуса Козьян перевел присланные из Санкт-Петербурга литографированные лекции на польский язык и продолжал вести уроки по-польски.

Польское восстание 1863–1864 гг. привело к новым ограничениям в отношении религиозного образования поляков (РГВИА, 1867, л. 11, 14 об.). Согласно предписанию Главного начальника военно-учебных заведений № 147 от 5 июля 1867 г., римско-католические каплицы при 1-й Санкт-Петербургской, Михайловской Воронежской и Орловской Бахтина военных гимназиях были закрыты. Часть их имущества была передана в православные церкви заведений, часть отдана городским костелам. Вместе с тем воспитанники не были полностью лишены возможностью пользоваться наставлениями ксёндзов. Поэтому каплицы продолжили действовать при 2-й Санкт-Петербургской, 1-й Московской, Полоцкой и Владимирской-Киевской военных гимназиях (РГВИА, 1867, л. 25).

Католические законоучители были выведены за штат, поэтому ксёндзы приглашались в военно-учебные заведения только в случае настоятельной необходимости. Преподавание римско-католической церковной истории прекратилось вследствие того, что оно было связано с судьбой «лишь одного из племен, входящих в состав Русского государства – племени польского, – и такую притом связь, которая отразилась на русской истории влияниями не совсем благоприятными» (РГВИА, 1877, л. 2). Кроме того, изложение русской

церковной истории с позиции римско-католической церкви могло иметь неблагоприятные последствия для благонадежности воспитанников.

В 1864 г. всем российским военно-учебным заведениям было циркулярно подтверждено, что преподавание Закона Божия воспитанникам-католикам следует вести на русском языке, а руководством для преподавания должен служить катехизис, составленный патером Стацевичем. Он не издавался типографским способом, а существовал в виде литографированных записок (РГВИА, 1864, л. 7). Руководство военных гимназий, кадетских корпусов и военных училищ должно было уведомить Главное управление военно-учебных заведений, хорошо ли знают католические священники русский язык и по какому руководству велось преподавание ранее. Результаты опроса показали, что ксендзы владели русским языком и могли вести уроки по-русски, а катехизис Стацевича уже использовался во всех заведениях. Лишь преподававший в Оренбургском Неплюевском кадетском корпусе священник Янушкевич плохо знал русский язык, не мог читать на нем лекции и излагать догматы веры и просил разрешить ему вести занятия на польском языке и использовать в качестве учебного пособия краткий катехизис, изданный вместе со священной историей Козловского в Вильно в 1862 г. (*"Historia Isszveta i Katechizm. Kozlouskiego"*). Однако руководство военно-учебных заведений распорядилось вести занятия по-русски и с использованием катехизиса Стацевича, а если Янушкевич будет уклоняться от этих постановлений, то директор корпуса должен был «обратиться для понуждения его к Оренбургскому и Самарскому генерал-губернатору генерал-адъютанту Безаку» (РГВИА, 1864, л. 58).

Интересно отметить, что сам Стацевич, преподававший в Николаевском училище гвардейских юнкеров, вел занятия «на французском или на русском языке, смотря по тому, каким из этих языков воспитанники свободнее владели» (РГВИА, 1864, л. 18). Стацевич проводил занятия и в Пажеском корпусе, где «историю... церковную, по неимению на русском языке руководства, он преподавал на языке французском, по Ламандру» (РГВИА, 1864, л. 22). Во Владимирском Киевском кадетском корпусе преподавание Закона Божия католикам до издания катехизиса Стацевича велось на польском языке, а после получения этого катехизиса занятия стали вестись по-русски. На польском языке преподавалась только история церкви в специальных классах заведения. Поляки, обучавшиеся в Орловском Бахтина кадетском корпусе, в соответствии с примечанием 1 к статье 1374 книги III Свода военных постановлений, учили молитвы и молились по-польски, однако преподавание велось на русском языке. Директор Орловского корпуса полковник Д. Х. Бушен обращал внимание руководства военно-учебных заведений на то, что для воспитанников-католиков нет утвержденного руководства по Священной истории Ветхого и Нового завета, вследствие чего они лишены возможности в достаточной степени ознакомиться с началами христианского учения. Директор 1-й Санкт-Петербургской военной гимназии генерал-майор Е. К. Баумгартен отмечал, что «для того, чтобы дать полное преобладание

русскому языку, недостает перевода молитв и в особенности Символа веры, принятого католической церковью». Их воспитанники учили по-польски. По мнению Баумгартена, для устранения этого неудобства требовалось перевести молитвы на русский язык, и эта работа могла бы быть поручена преподававшему в гимназии Закон Божий патеру Коцяковскому.

В конце 1865 г. патер Стацевич с разрешения епархиального начальства приступил к изданию за свой счет составленных им римско-католического катехизиса и священной и церковной истории. Военные гимназии должны были приобретать эти книги за собственный счет.

Достаточно сложным в 1860–70-е гг. был вопрос о наставниках кадет-католиков. Так, директор Тамбовского кадетского корпуса генерал-майор А. Е. Пташник в 1864 г. уведомил руководство военно-учебных заведений, что в Тамбове нет ни костела, ни ксендза, поэтому воспитанникам католического вероисповедания Закон Божий не преподавался,

«для исполнения же христианского долга ежегодно приезжает из Саратова капеллан 5-го округа внутренней стражи и устраивает временно каплицу, куда и воспитанники Тамбовского кадетского корпуса посылаются при офицере» (РГВИА, 1864, л. 33).

В Орловской Бахтина военной гимназии в 1865–1868 гг. капелланом и законоучителем состоял ксендз Гриневский, который был усердным и даровитым педагогом, однако «направление его, совершенно противоположное польским тенденциям, скоро обнаружилось и вооружило против него польскую партию» (РГВИА, 1873, л. 1). Вследствие происков польской партии Гриневский был перемещен в Томск. Во время нахождения в Сибири здоровье Гриневского сильно пошатнулось, и он неоднократно просил перевести его обратно в Орел. В 1873 г. законоучитель Орловской военной гимназии Зенкевич должен был получить назначение в Могилевскую губернию, вследствие чего директор гимназии полковник В. К. Чигарев обратился в Главное управление военно-учебных заведений с ходатайством о возвращении Гриневского из Сибири. В октябре 1873 г. перевод Зенкевича состоялся. Могилевский архиепископ, митрополит всех римско-католических в Российской империи церковей А. Фиалковский просил В. К. Чигарева выбрать самому из местных ксендзов Липеня или Обромпальского к временному преподаванию Закона Божия римско-католическому юношеству, воспитывающемуся в Орловской военной гимназии, так как по недостатку священников в вверенной ему архиепархии в настоящее время он находится в невозможности назначить особого законоучителя (РГВИА, 1873, л. 5). Однако это были не вполне подходящие кандидатуры: Липень был очень стар и говорил невнятно, а Обромпальский был сослан в Орел на жительство. Фиалковский не хотел переводить в Орел Гриневского, так как генерал-губернатор Западной Сибири генерал-адъютант А. П. Хрущев был весьма доволен его службой, а переезд из Томска в Орел был сопряжен с существенными расхо-

дами. Поэтому Чигарев был вынужден поручить преподавание Липеню. Престарелый законоучитель плохо вел уроки и не следил за дисциплиной. Через год, в сентябре 1874 г., Липень попросил освободить его от занятий и возложить преподавание Закона Божия на Обромпальского, который, несмотря на статус ссыльного, был допущен к преподаванию во всех учебных заведениях Орла и, по отзыву жандармского штаб-офицера, вел себя хорошо и за его благонадежность можно было не опасаться. Помощник Главного начальника военно-учебных заведений генерал-лейтенант Н. В. Корсаков отправил конфиденциальный запрос о возможности назначения Обромпальского заведующему Третьим отделением Собственной Е. И. Вел. канцелярии генерал-лейтенанту Н. В. Мезенцеву. Тот в своем ответе указал, что ходатайство о назначении Обромпальского лучше было бы отклонить. В итоге поляки, учившиеся в Орловской Бахтина военной гимназии, остались без духовного наставника.

Вместе с тем принцип веротерпимости оставался в силе, и католиков не принуждали переходить в православие, хотя в некоторых случаях они были обязаны посещать богослужения в православной церкви. Если возможность обеспечить получение поляками религиозного образования под руководством ксёндза по каким-либо причинам отсутствовала, их переводили в другие военно-учебные заведения. В тех случаях, когда перевод был затруднителен, забота о религиозном образовании возлагалась на родителей или других родственников (РГВИА, 1870, л. 32 об., 35).

Положение поляков в социокультурном пространстве русской военной школы

Анализ официальных документов и воспоминаний выпускников показывает, что поляки-католики не подвергались гонениям со стороны товарищей по причине своей национальности или религиозной принадлежности. Зафиксирован лишь единичный случай, произошедший в конце 1790-х гг. Известный впоследствии литератор и издатель Ф. В. Булгарин, который в 1798 г. поступил в Императорский сухопутный шляхетный кадетский корпус и стал там первым представителем земель, вошедших в состав России по итогам третьего раздела Речи Посполитой, подвергался нападкам со стороны одноклассников, которые называли его «Костюшкой» и однажды во время мытья в бане выбросили голого с чердака в снег, пытаясь «крестить в русскую веру» (Булгарин, 2001, с. 106). При Александре I подготовка поляков осуществлялась в Калишском кадетском корпусе. В правление Николая I поляки были рассредоточены по всем кадетским корпусам. Православные воспитанники не видели никаких различий между собой и католиками, а те вследствие своей малочисленности не могли образовать особой партии. Поэтому взаимоотношения между ними были достаточно равными.

В некоторых корпусах (например, в Орловском Бахтина) доля католиков была достаточно заметной. Так, в 1840-е гг. в Орле, по данным И. В. Проваленковой,

«... при безусловном лидировании русских второе место уверенно занимали воспитанники-поляки. Их доля в общей массе кадет никогда не опускалась ниже 13%, порой доходя до 30%» (Гребенкин & Проваленкова, 2011, с. 34).

Но и здесь католической партии никогда не существовало, а православные воспитанники не демонстрировали по отношению к полякам-католиков никаких враждебных чувств.

Уникальная ситуация сложилась в Брестском кадетском корпусе. Советский исследователь В. А. Дьяков отмечал, что

«в Брестском кадетском корпусе режим был тяжелее обычного, а офицеры и преподаватели чаще, чем в других местах, применяли розги. Это объяснялось тем, что три четверти воспитанников корпуса имели польское происхождение, а каждого поляка царские власти считали «мятежником», даже когда имели дело с ребенком» (Дьяков, 1969, с. 15).

В 1840-е гг., вследствие ужесточения политики русификации, среди воспитанников-поляков стали укрепляться патриотические чувства. Стремление руководства представить поляков в невыгодном свете (в том числе путем внеклассного чтения соответствующих художественных произведений) лишь раздражало кадет. Кроме того, некоторые кадеты русского происхождения стали демонстрировать негативное отношение к полякам, следствием чего были участившиеся столкновения. В свою очередь, воспитанники польского происхождения учили, декламировали и распространяли в списках запрещенные польские стихи, а также обменивались слухами антиправительственного содержания. Кадет Я. Костомаров в начале 1849 г. даже осмелился подать инспектору классов сочинение, в котором «позволял себе дерзкие выражения против начальников и воспитателей» и высказывал сомнения относительно религиозных догматов (Дьяков, 1969, с. 23). Противодействие антипольским силам сплотило поляков, и в конце 1840-х в корпусе возник кружок единоверцев, в который входили исключительно поляки. Как указывают современные исследователи П. И. Бригадин и А. М. Лукашевич,

«сначала он не имел четко выраженной политической направленности и состоял из воспитанников, желавших познакомиться с произведениями передовых авторов» (Бригадин & Лукашевич, 2007, с. 67).

Идейными руководителями единоверцев являлись ксендз А. Козьян и историк Табаровский. Какую-либо антиправительственную деятельность члены кружка не вели, и вся их деятельность сводилась к критике российского правительства во время вечерних посиделок.

Аналогичная ситуация сохранялась и в 1850-е гг. Уроки истории, на которых воспитанники знакомились с деятельностью античных героев,

заставляли их проводить параллели с историей Польши. Бывший кадет Брестского корпуса Ю. Ягмин, поступивший в корпус 1851 г., вспоминал:

«...когда преподаватель истории рассказывал о древней Элладе и Риме с их героями, самоотвержение и любовь которых к своему отечеству волновали и пленяли мое воображение, то я сравнивал их обыкновенно с Жолкевскими, Ходкевичами, Баториями, Собесскими и другими представителями польской истории; благодаря этому моя ненависть к России, Австрии и Пруссии развивалась все сильнее» (Ягмин, 1892, с. 569).

Продолжал действовать и кружок единомышленников, одним из участников которого был Ягмин. Ксендз Козьян по-прежнему пользовался большим авторитетом среди воспитанников, которые при встрече бросались целовать ему руку. В середине 1850-х гг., уже после того, как корпус был переведен в Москву, польская партия победила русскую и попыталась устроить бунт против начальства.

В прочих военно-учебных заведениях православные и католики жили мирно даже после восстания 1863–1864 гг. После ликвидации Александровского Брестского кадетского корпуса его питомцы были распределены по другим заведениям, вследствие чего доля католиков в Орловской Бахтина военной гимназии выросла до 37,2%. Орловцы приняли своих новых товарищей дружелюбно. В других гимназиях, где этноконфессиональный состав был еще более пестрым, взаимоотношения воспитанников также были основаны на принципе толерантности. Ф. П. Рерберг, ставший в 1879 г. воспитанником Тифлисской военной гимназии, дал своим товарищам следующую характеристику:

«...из 52 юношей 26 русских, 22 туземца и 4 поляка. Здесь были: русские, малороссы, казаки, поляки, немцы, грузины, армяне, лезгины, татары, православные, католики, лютеране, григориане, мусульмане, иначе говоря полное смешение народов и религий и никогда никакой розни!» (б. д., л. 31).

Выводы

Таким образом, восстания в Польше в 1830–1831 и 1863–1864 гг. существенно отразились на правилах приема поляков-католиков в военно-учебные заведения России. После закрытия в 1831 г. предназначенного для поляков Калишского кадетского корпуса полякам было предоставлено право поступления в военно-учебные заведения, расположенные в европейской части России, однако дети мятежников не могли обучаться в Полоцком кадетском корпусе, открытом в 1835 г. Основной контингент поступающих составляли дети неслужащих дворян и мелких чиновников; детей офицеров среди них было очень мало. После восстания 1863–1864 гг. особые вакансии для уроженцев Царства Польского были ликвидированы, и прием поляков стал осуществляться на общих основаниях.

Религиозное образование малолетних поляков в военно-учебных заведениях в 1830-е – 1860-е гг. было сопряжено с существенным ограничением их

прав. В 1840-е гг. преподавание Закона Божия стало испытывать серьезное влияние политики русификации. Правительство неохотно шло на учреждение католических церквей при военно-учебных заведениях и допускало их открытие лишь в случае крайней необходимости. После второго восстания религиозное образование католиков было существенно урезано и фактически сошло на нет, хотя принцип веротерпимости остался в силе.

Положение поляков в социокультурной среде кадетских корпусов и военных гимназий не было сопряжено с выделением их в обособленную группу даже в тех заведениях, где они составляли значительную часть воспитанников. Исключением стал Брестский кадетский корпус, где кадеты польского происхождения составляли большинство. Это привело к резкому размежеванию питомцев заведения на польскую и русскую партии, вступившие друг с другом в ожесточенную борьбу.

Список литературы

- Бригадин, П. И., & Лукашевич, А. М. (2007). *Мятежный корпус: Из истории Александровского Брестского кадетского корпуса (1842–1863)*. Государственный институт управления и социальных технологий БГУ.
- Булгарин, Ф. (2001). *Воспоминания*. Типография «Захаров».
- Викентьев, В. П. (Ред.). (1910). *Полоцкий кадетский корпус. Исторический очерк 75-летия его существования*. Типография Х. В. Клячко.
- Волков, С. В. (2003). *Русский офицерский корпус*. Центрполиграф.
- Ганчар, А. И. (2024). Предложения военного министерства Российской империи в отношении лиц польского происхождения римско-католического вероисповедания (1865 г.). В *Наука, инновации, образование: Актуальные вопросы и современные аспекты* (с. 48–62). Международный центр научного сотрудничества «Наука и просвещение».
- Глазырин, Е. В., & Глазырина, Т. Н. (2016). Выпускники Полоцкого кадетского корпуса (военной гимназии) – выдающиеся ученые. В *Беларускае Падзвінне: вопыт, методыка і вынікі палявых і міждысцыплінарных даследаванняў* (с. 65–85). Полоцкий государственный университет.
- Гребенкин, А. Н., & Проваленкова, И. В. (2011). Офицеры и воспитанники Орловского Бахтина кадетского корпуса в XIX в. *Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки*, 1, 28–36.
- Гурковский, В. А. (2009). *Церковь в жизни кадетских корпусов Российской империи*. Переправа. <https://mail.pereprava.org/privacy/963-vystuplenie-vladlena-gurkovskogo-cerkov-v-zhizni-kadetskih-korpusov-rossiyskoy-imperii.html>
- Гусева, А. А. (2017). Российская империя и ее периферия: Царство Польское в составе империи в XIX в. В *Университет XXI века: Научное измерение. Материалы научной конференции научно-педагогических работников, аспирантов и магистрантов ТГПУ им. Л. Н. Толстого* (с. 80–83). Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого.
- Дьяков, В. А. (1969). *Ярослав Домбровский*. Типография «Молодая гвардия».

- Еленский, О. (1895). Мои воспоминания о забытом корпусе. *Русская старина*, 6, 143–169.
- Жервэ, Н. П., & Строев, В. Н. (1912). *Исторический очерк 2-го кадетского корпуса. 1712–1912. В 2-х т. (Т. 1)*. Типография Тренке и Фюсно.
- Зайончковский, П. А. (1973). *Самодержавие и русская армия на рубеже XIX–XX столетий. 1881–1903*. Типография «Мысль».
- Лапин, В. В. (2008). Армия – в империи, империя – в армии. *Россия XXI*, 6, 64–81.
- Машковцев, А. А. (2012). Католические военные капелланы Казани в 60–90-х годах XIX века. *Военно-исторический журнал*, 11, 56–59.
- О дозволении воспитанникам римско-католического исповедания выучивать молитвы и молиться на природном их языке. (1845). В *Полное собрание законов Российской империи (с. 265)*. Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии.
- Приказ Главного начальника военно-учебных заведений, № 2746. (1860, март 10).
- Приказ Главного начальника военно-учебных заведений, № 2763. (1860, май 7).
- Приказ по военно-учебным заведениям, № 45. (1863, июль 3).
- Приказ по военно-учебным заведениям, № 2529. (1858, май 10).
- Приказ по военно-учебным заведениям, № 2632. (1859, апрель 8).
- Рерберг, Ф. П. (б. д.). *Все в прошлом [Архив Библиотеки-фонда «Русское Зарубежье» имени А. И. Солженицына. Ф. 1. М-86]*.
- Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). (1831-1833). Ф. 725. Оп. 55. Д. 401.
- Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). (1831-1832). Ф. 725. Оп. 55. Д. 402.
- Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). (1833-1834). Ф. 725. Оп. 55. Д. 424.
- Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). (1834а). Ф. 725. Оп. 56. Д. 2138.
- Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). (1834b). Ф. 725. Оп. 56. Д. 2888.
- Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). (1836). Ф. 315. Оп. 1. Д. 10290.
- Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). (1844а). Ф. 725. Оп. 56. Д. 2301.
- Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). (1844b). Ф. 725. Оп. 56. Д. 5558.
- Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). (1845). Ф. 725. Оп. 56. Д. 3274.
- Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). (1848). Ф. 725. Оп. 56. Д. 3379.

- Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). (1849). Ф. 725. Оп. 55. Д. 637.
- Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). (1854). Ф. 725. Оп. 56. Д. 2585.
- Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). (1864). Ф. 725. Оп. 2. Д. 89.
- Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). (1867). Ф. 725. Оп. 5. Д. 143.
- Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). (1870). Ф. 725. Оп. 8. Д. 84.
- Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). (1873). Ф. 725. Оп. 11. Д. 86.
- Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). (1877). Ф. 725. Оп. 15. Д. 80.
- Свод военных постановлений. Кн. 3: Образование военных учреждений. (1859). Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии.
- Столетие военного министерства: 1802–1902.: Т. 10. Главное управление военно-учебных заведений. Исторический очерк. Часть 2. (1902). Типография Товарищества М. О. Вольф.
- Ягмин, Ю. (1892). Воспоминания польского повстанца 1863 года. *Исторический вестник*, 9, 561–585.

References

- A Century of the Ministry of War: 1802–1902: Vol. 10. Main Directorate of Military Educational Institutions. Historical Essay. Part 2.* (1902). Printing House of the M. O. Wolf Partnership. (In Russian).
- Brigadin, P. I., & Lukashevich, A. M. (2007). *The Rebellious Corps: From the History of the Alexandrovsky Brest Cadet Corps (1842–1863)*. State Institute of Management and Social Technologies, BSU. (In Russian).
- Bulgarin, F. (2001). *Memoirs*. Zakharov Printing House. (In Russian).
- Compilation of military regulations. Book 3: Formation of military institutions.* (1859). Printing House II of the Office of His Imperial Majesty. (In Russian).
- Dyakov, V. A. (1969). *Yaroslav Dombrovsky*. Molodaya Gvardiya Printing House. (In Russian).
- Elensky, O. (1895). My memories of the forgotten building. *Russian Antiquity*, 6, 143–169. (In Russian).
- Ganchar, A. I. (2024). Proposals of the Ministry of War of the Russian Empire regarding persons of Polish origin of the Roman Catholic faith (1865). In *Science, innovation, education: Current issues and contemporary aspects* (pp. 48–62). International Center for Scientific Cooperation “Science and Education”. (In Russian).
- Glazyrin, E. V., & Glazyrina, T. N. (2016). Graduates of the Polotsk Cadet Corps (Military Gymnasium) – Outstanding Scientists. In *Belarusian Podvinye: experience, methodology and results of field and interdisciplinary research* (pp. 65–85). Polotsk State University. (In Russian).

- Grebinkin, A. N., & Provalenkova, I. V. (2011). Officers and Pupils of Orel Bakhtin Military School in XIX cent. *Scientific Notes of Orel State University. Series: Humanities and Social Sciences*, 1, 28–36. (In Russian).
- Gurkovsky, V. A. (2009). *The Church in the Life of Cadet Corps in the Russian Empire*. Pereprava. <https://mail.pereprava.org/privacy/963-vystuplenie-vladlena-gurkovskogo-cerkov-v-zhizni-kadetskih-korpusov-rossiyskoy-imperii.html> (In Russian).
- Guseva, A. A. (2017). The Russian Empire and its periphery: The Kingdom of Poland as part of the empire in the 19th century. In *The University of the 21st Century: The Scientific Dimension. Proceedings of the scientific conference of scientific and pedagogical workers, post-graduate students, and master's students of L. N. Tolstoy TSPU* (pp. 80–83). Tula State Pedagogical University named after L.N. Tolstoy (In Russian).
- Lapin, V. V. (2008). The Army in the Empire, the Empire in the Army. *Russia XXI*, 6, 64–81. (In Russian).
- Mashkovtsev, A. A. (2012). Catholic military chaplains in Kazan in the 1860s–1890s. *Military History Journal*, 11, 56–59. (In Russian).
- On permitting pupils of the Roman Catholic faith to learn prayers and pray in their native language. (1845). In *Complete collection of laws of the Russian Empire* (p. 265). Printing House II of the Office of His Imperial Majesty. (In Russian).
- Order of the Chief Commander of Military Educational Institutions*, No. 2746. (1860, March 10). (In Russian).
- Order of the Chief Commander of Military Educational Institutions*, No. 2763. (1860, May 7). (In Russian).
- Order on military educational institutions*, No. 2529. (1858, May 10). (In Russian).
- Order on military educational institutions*, No. 2632. (1859, April 8). (In Russian).
- Order on military educational institutions*, No. 45. (1863, July 3). (In Russian).
- Rerberg, F. P. (n. d.). *Everything in the past* [Archive of the A. I. Solzhenitsyn Russian Abroad Library and Foundation. F. 1. M-86.]. (In Russian).
- Russian State Military Historical Archive (RSMHA). (1831-1832). F. 725. In. 55. C. 402. (In Russian).
- Russian State Military Historical Archive (RSMHA). (1831-1833). F. 725. In. 55. C. 401. (In Russian).
- Russian State Military Historical Archive (RSMHA). (1833-1834). F. 725. In. 55. C. 424. (In Russian).
- Russian State Military Historical Archive (RSMHA). (1834a). F. 725. In. 56. C. 2138. (In Russian).
- Russian State Military Historical Archive (RSMHA). (1834b). F. 725. In. 56. C. 2888. (In Russian).
- Russian State Military Historical Archive (RSMHA). (1836). F. 315. In. 1. C. 10290. (In Russian).
- Russian State Military Historical Archive (RSMHA). (1844a). F. 725. In. 56. C. 2301. (In Russian).
- Russian State Military Historical Archive (RSMHA). (1844b). F. 725. In. 56. C. 5558. (In Russian).
- Russian State Military Historical Archive (RSMHA). (1845). F. 725. In. 56. C. 3274. (In Russian).
- Russian State Military Historical Archive (RSMHA). (1848). F. 725. In. 56. C. 3379. (In Russian).
- Russian State Military Historical Archive (RSMHA). (1849). F. 725. In. 55. C. 637. (In Russian).
- Russian State Military Historical Archive (RSMHA). (1854). F. 725. In. 56. C. 2585. (In Russian).

- Russian State Military Historical Archive (RSMHA). (1864). F. 725. In. 2. C. 89. (In Russian).
- Russian State Military Historical Archive (RSMHA). (1867). F. 725. In. 5. C. 143. (In Russian).
- Russian State Military Historical Archive (RSMHA). (1870). F. 725. In. 8. C. 84. (In Russian).
- Russian State Military Historical Archive (RSMHA). (1873). F. 725. In. 11. C. 86. (In Russian).
- Russian State Military Historical Archive (RSMHA). (1877). F. 725. In. 15. C. 80. (In Russian).
- Vikentyev, V. P. (Ed.). (1910). *Polotsk Cadet Corps. Historical essay on the 75th anniversary of its existence*. Printing house of H. V. Klyachko. (In Russian).
- Volkov, S. V. (2003). *The Russian Officer Corps*. Tsentrpoligraf. (In Russian).
- Yagmin, Yu. (1892). Memoirs of a Polish insurgent of 1863. *Historical Herald*, 9, 561–585. (In Russian).
- Zayonchkovsky, P. A. (1973). *Autocracy and the Russian Army at the Turn of the 19th and 20th Centuries. 1881–1903*. Mysl Printing House. (In Russian).
- Zherve, N. P., & Stroev, V. N. (1912). *Historical sketch of the 2nd Cadet Corps. 1712–1912*. In 2 vols. (Vol. 1). Trenke and Fysno Printing House. (In Russian).